

Профессор кислых щей

Виктор Драгунский

Мой папа не любит, когда я мешаю ему читать газеты. Но я про это всегда забываю, потому что мне очень хочется с ним поговорить. Ведь он же мой единственный отец! Мне всегда хочется с ним поговорить.

Вот он раз сидел и читал газету, а мама пришивала мне воротник к куртке.

Я сказал:

- Пап, а ты знаешь, сколько в озеро Байкал можно напихать Азовских морей?

Он сказал:

- Не мешай.

- Девяносто два! Здорово?

Он сказал:

- Здорово. Не мешай, ладно?

И снова стал читать.

Я сказал:

- Ты художника Эль Греко знаешь?

Он кивнул. Я сказал:

- Его настоящая фамилия Доменико Теотокопули! Потому что он грек с острова Крит. Вот этого художника испанцы и прозвали Эль Греко! Интересные дела. Кит, например, папа, за пять километров слышит!

Папа сказал:

- Помолчи хоть немного. Хоть пять минут.

Но у меня было столько новостей для папы, что я не мог удержаться. Из меня высыпались новости, прямо выскакивали одна за другой. Потому что очень уж их было много. Если бы их было поменьше, может быть, мне легче

было бы перетерпеть, и я бы помолчал, но их было много, и поэтому я ничего не мог с собой поделаться.

Я сказал:

- Папа! Ты не знаешь самую главную новость: на Больших Зондских островах живут маленькие буйволы. Они, папа, карликовые. Называются кентусы. Такого кентуса можно в чемодане привезти!

- Ну да? - сказал папа. - Просто чудеса! Дай спокойно почитать газету, ладно?

- Читай, читай, - сказал я, - читай, пожалуйста! Понимаешь, папа, выходит, что у нас в коридоре может пастись целое стадо таких буйволов! Ура?

- Ура, - сказал папа. - Замолчишь, нет?

- А солнце стоит не в центре неба, - сказал я, - а сбоку!

- Не может быть, - сказал папа.

- Даю слово, - сказал я, - оно стоит сбоку! Сбоку припека.

Папа посмотрел на меня туманными глазами. Потом глаза у него прояснились, и он сказал маме:

- Где это он нахватался? Откуда? Когда?

Мама улыбнулась:

- Он современный ребенок. Он читает, слушает радио. Телевизор. Лекции. А ты как думал?

- Удивительно, - сказал папа, - как это быстро все получается.

И он снова укрылся за газетой, а мама его спросила:

- Чем это ты так зачитался?

- Африка, - сказал папа. - Кипит! Конец колониализму!

- Еще не конец! - сказал я.

- Что? - спросил папа.

Я подлез к нему под газету и встал перед ним.

- Есть еще зависимые страны, - сказал я. - Много еще есть зависимых.

Он сказал:

- Ты не мальчишка. Нет. Ты просто профессор! Настоящий профессор кислых щей!

И он засмеялся, и мама вместе с ним. Она сказала:

- Ну ладно, Дениска, иди погуляй. - Она протянула мне куртку и подтолкнула меня: - Иди, иди!

Я пошел и спросил у мамы в коридоре:

- А что такое, мама, профессор кислых щей? В первый раз слышу такое выражение! Это он меня в насмешку так назвал - кислых щей? Это обидное?

Но мама сказала:

- Что ты, это нисколько не обидное. Разве папа может тебя обидеть? Это он, наоборот, тебя похвалил!

Я сразу успокоился, раз он меня похвалил, и пошел гулять. А на лестнице я вспомнил, что мне надо проведать Аленку, а то все говорят, что она заболела и ничего не ест. И я пошел к Аленке. У них сидел какой-то дяденька, в синем костюме и с белыми руками. Он сидел за столом и разговаривал с Аленкиной мамой. А сама Аленка лежала на диване и приклеивала лошади ногу. Когда Аленка меня увидела, она сразу заорала:

- Дениска пришел! Ого-го!

Я вежливо сказал:

- Здравствуйте! Чего орешь, как дура?

И сел к ней на диван. А дяденька с белыми руками встал и сказал:

- Значит, все ясно! Воздух, воздух и воздух. Ведь она вполне здоровая девочка!

И я сразу понял, что это доктор.

Аленкина мама сказала:

- Большое спасибо, профессор! Большое спасибо, профессор!

И она пожала ему руку. Видно, это был такой хороший доктор, что он все знал, и его называли за это «профессор».

Он подошел к Аленке и сказал:

- До свидания, Аленка, выздоравливай.

Она покраснела, высунула язык, отвернулась к стенке и оттуда прошептала:

- До свидания.

Он погладил ее по голове и повернулся ко мне:

- А вас как зовут, молодой человек?

Вот он какой был славный: на «вы» меня назвал!

- Я Денис Кораблев! А вас как зовут?

Он взял мою руку своей белой большой и мягкой рукой. Я даже удивился, какая она мягкая. Ну прямо шелковая. И от него от всего так вкусно пахло чистотой. И он потряс мне руку и сказал:

- А меня зовут Василий Васильевич Сергеев. Профессор.

Я сказал:

- Кислых щей? Профессор кислых щей?

Аленкина мама всплеснула руками. А профессор покраснел и закашлял. И они оба вышли из комнаты.

И мне показалось, что они как-то не так вышли. Как будто даже выбежали. И еще мне показалось, что я что-то не так сказал. Прямо не знаю.

А может быть, «кислых щей» - это все-таки обидное, а?